

УДК 1:336.74

А. В. ХАЛАПСИСНациональная металлургическая академия Украины (г. Днепр)
Профессор кафедры философии и политологии**МИР БЕЗ ДЕНЕГ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКВИВАЛЕНТА СТОИМОСТИ**

Аннотация. Представления о «ценности» и «стоимости» на протяжении человеческой истории лишь отчасти зависели от экономических причин. Договоренности о том, что именно считать эквивалентом стоимости/мерой богатства оказываются результатом сложных взаимозависимостей экономических, социальных и культурных факторов. Тысячелетия люди использовали драгоценные металлы как всеобщий эквивалент и главное мерило богатства; полноценные металлические деньги были, в сущности, лишь подкрепленными авторитетом государства (правителя) свидетельствами наличия определенного количества драгоценного металла. Отказ от полноценных монет и от обеспеченности банкнот драгоценными металлами (то есть, отказ от золотого и серебряного стандарта) привел к тому, что обращающиеся в обществе денежные знаки перестали обозначать конкретную стоимость, превратившись в абстракцию, поставив население в зависимость от монетарной политики государства и от финансовой стабильности национальной экономики.

Биткойн и его многочисленные альтернативы возникли как ответ на вызов информатизации, глобализации и – индивидуализации хозяйственной деятельности. Это попытка уйти от контроля государственных структур, которые склонны с одной стороны, к злоупотреблению своим правом эмиссии денежных знаков, а с другой – к волюнтаристическим методам управления экономикой. В какой-то степени криптовалюты отражают ностальгию участников рынка по золотому стандарту, которая удивительным образом трансформируется в полное отрицание вещественности (в том числе – металлической вещественности) денег. Нынешняя ситуация стимулирует поиски новых моделей определения эквивалента стоимости в условиях информационного общества.

Ключевые слова: деньги, стоимость, ценность, золото, серебро, криптовалюты, монеты, бумажные деньги, социокультурные трансформации.

О. В. ХАЛАПСІСНаціональна металургійна академія України (м. Дніпро)
Професор кафедри філософії та політології**СВІТ БЕЗ ГРОШЕЙ: ЕКОНОМІЧНІ ТА СОЦІОКУЛЬТУРНІ
ТРАНСФОРМАЦІЇ ЕКВІВАЛЕНТА ВАРТОСТІ**

Анотація. Уявлення про «цінність» та «вартість» протягом людської історії лише частково залежали від економічних причин. Домовленості про те, що саме вважати еквівалентом вартості/мірою багатства виявляються результатом складних взаємозалежностей економічних, соціальних і культурних чинників. Тисячоліття люди використовували дорогоцінні метали як загальний еквівалент і головне мірило багатства; повноцінні металеві гроші були, по суті, лише підкріплені авторитетом держави (правителя) свідченнями наявності певної кількості дорогоцінного металу. Відмова від повноцінних монет і від забезпеченості банкнот дорогоцінними металами (тобто, відмова від золотого і срібного стандарту) призвела до того, що грошові знаки перестали позначати конкретну вартість, перетворившись в абстракцію, поставивши населення в залежність від монетарної політики держави і від фінансової стабільності національної економіки.

Біткойн і його численні альтернативи виникли як відповідь на виклик інформатизації, глобалізації та – індивідуалізації господарської діяльності. Це спроба позбавитись контролю державних структур, які схильні з одного боку, до зловживання своїм правом емісії грошових знаків, а з іншого – до волюнтаристських методів керування економікою. В якійсь мірі криптовалюта відображає ностальгію учасників ринку за золотим стандартом, яка дивним чином трансформується в повне заперечення матеріальності (в тому числі – металевої матеріальності) грошей. Нинішня ситуація

стимулює пошуки нових моделей визначення еквівалента вартості в умовах інформаційного суспільства.

Ключові слова: гроші, вартість, цінність, золото, срібло, криптовалюта, монети, паперові гроші, соціокультурні трансформації.

ALEX V. HALAPSI

National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnipro)

Department of Philosophy and Political Sciences

THE WORLD WITHOUT MONEY: ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS OF THE VALUE EQUIVALENT

Abstract. The notion of “worth” and “value” throughout human history was only partly dependent on economic reasons. Arrangements about what is considered an equivalent value/measure of wealth are the result of complex interdependencies of economic, social and cultural factors. For thousands of years people have used precious metals as universal equivalent and main measure of wealth; full-value metal money was, in fact, only reinforced by the authority of state (ruler) evidence of presence certain amount of precious metal. The rejection of valuable coins and the provision of banknotes with precious metals (that is, the rejection of the gold and the silver standard) led to the fact that the circulating money signs in the society ceased to denote a concrete value, becoming an abstraction, putting the population in dependence on state’s monetary policy and financial stability of national economy.

Bitcoin and its numerous alternatives arose as a response to the challenge of informatization, globalization and individualization of economic activity. This is an attempt to escape from control of state structures that are inclined to abuse their right to issue banknotes and to voluntaristic methods of managing the economy. To some extent, the cryptocurrencies reflect the nostalgia of market participants on the gold standard, which is surprisingly transformed into a complete denial of the materiality (including the metal substance) of money. This situation stimulates the search for new models for designation the equivalent value in the information society.

Keywords: money, value, value, gold, silver, cryptocurrency, coins, paper money, sociocultural transformations.

Актуальность. Появление криптовалют озадачило многих. Что это вообще такое и чего от них ожидать в дальнейшем? Апостолы новой религии считают их денежным средством, вполне адекватным новой информационной реальности, а некоторые из них пророчат полное отмирание привычных нам денежных знаков и замену их биткойнами, этериумами, лайткойнами, свифткойнами и т.д.¹. Оппоненты считают этот проект спекулятивным и в долгосрочной перспективе нежизнеспособным. В частности, экс-глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен назвал биткойн пузырем, не имеющим присущей валюте ценности (Kearns, 2013). Подобных взглядов придерживаются Нобелевский лауреат Роберт Шиллер (Shiller, 2014), австралийский экономист Джон Квиггин (Quiggin, 2013) и многие другие.

Я не знаю ни того, какой будет курс биткойна через год, ни того, имеет ли смысл иметь с ним (как и другими криптовалютами) дело вообще. В данной статье речь пойдет не о криптовалюте, а о мире, в котором она могла появиться, причем я имею в виду не создание блоков, а возможность рассмотрения ее как формы *денег*.

По версии «Большой российской энциклопедии», деньги – это всеобщий эквивалент, который является самостоятельной формой меновой стоимости, способен

¹ Первой криптовалютой считается биткойн, появившийся в 2008 году, хотя сама его идея была разработана в 1998 году независимо друг от друга Вей Деєм (Dai, 1998) и Ником Сабо (Peck, 2012). Ныне существует более двух тысяч криптовалют, и среди них есть даже карбованец (Karbowanec, Karbo, KRB).

непосредственно обмениваться на любой товар и удостоверяет общественный характер частного труда товаропроизводителя (Красавина, 2007). Также под деньгами можно понимать «товар, принятый общим согласием как средство экономического обмена. Это среда, в которой выражаются цены и ценности; как валюта, он анонимно циркулирует от человека к человеку и от страны к стране, тем самым облегчая торговлю, и будучи главной мерой богатства» (Meltzer & Friedman, 2018). Так деньги определяет «Британника». Хотя формулировки несколько отличаются, в обоих определениях выражено то, что деньги – это специфический товар, который служит мерой стоимости (цены и ценности) и непосредственно обменивается на другие товары (и услуги); деньги, стало быть, являются «всеобщим эквивалентом» и «главной мерой богатства».

Теперь посмотрим на биткойн. На сегодняшний день он не является всеобщим эквивалентом, он не служит мерой стоимости товаров и услуг и пока что непосредственно на них не обменивается; также нет никакого общего согласия по поводу того, чтобы считать этот *товар* (если последнее вообще может быть применимо к криптовалютам) является главной мерой богатства. Стало быть, Алан Гринспин прав, поскольку присущих деньгам характеристик у биткойна нет. Однако парадокс в том, что и привычные нам деньги – также не деньги. Это лишь (денежные) *знаки*, причем если знаки прошлого указывали на *настоящие* деньги, то нынешние обозначают лишь сами себя.

Доллары США и австралийские доллары, евро и британские фунты, швейцарские франки и украинские гривны, иены и юани – это не деньги. Деньги существовали на протяжении тысячелетий, а потом исчезли. Причем совсем недавно. Сейчас их нет вообще. Как мы дошли до жизни такой, как нас убедили в том, что деньги не нужны и что нам предлагают взамен? Об этом данная статья.

Степень разработанности темы. С глубокой древности философы и экономисты размышляли о сущности денег, но сегодня эти размышления приобретают новый смысл. Появление криптовалют актуализирует пересмотр классических представлений об эквиваленте стоимости в контексте потребностей информационной эпохи. Для данной статьи особое значение имеют идеи Джорджа Гилдера (Gilder, 2016), Джона Квиггина (Quiggin, 2013), Роберта Шиллера (Shiller, 2014) и Уоррена Вебера (Weber, 2016). Методологической основой исследования социокультурных трансформаций реальности послужила моя монография «Зеркало Клио: Метафизическое постижение истории» (Халапсис, 2017).

Цель статьи заключается в исследовании социокультурных тенденций и перспектив дематериализации денег и вытеснения их «денежными знаками» в контексте появления и бурного развития криптовалют.

В моей коллекции есть уникальная монета. Ее уникальность состоит не в том, что она редкая, а в некотором смысле даже наоборот. У нее уникальная судьба, благодаря которой она стала гораздо более распространенной, чем по логике должна была бы быть. Хотя в ее легенде недвусмысленно указана ее государственная принадлежность и год, я почти уверен, что ее отчеканили значительно позже, причем во времена, когда этого государства уже не существовало, а изображенный на нем человек покоился с миром. Однако это и не подделка – монета действительно использовалась в денежном обороте, имея при этом значительно большую ценность, чем монеты с «правильными» легендами. Это талер Марии Терезии. Хотя сама императрица умерла в 1780 году, талеры с ее изображением продолжали массово чеканиться в габсбургских владениях в неизменном виде и с неизменной датой – годом ее смерти. Крупная монета (28,0668 грамм серебра 833 пробы) с красивым дизайном была чрезвычайно популярна в Северной Африке и в Азии. Попытки вытеснить ее (эритрейский талер, талер Менелика II и др.) особого успеха не имели. В 1935 году Италия, готовясь к оккупации Эфиопии, заключила договор с правительством Австрии, согласно которому получило право на выпуск талера Марии

Терезии сроком на 25 лет. Венский монетный также продолжил их чеканку, но согласно договору с Муссолини, ее объем не должен был превышать 10 тысяч монет в год. Британцы, которые также были заинтересованы в Эфиопии, и которые в конце концов вытеснили оттуда итальянцев, с 1936 года сами стали чеканить талер Марии Терезии без какого-либо разрешения со стороны Австрии. Сэр Роберт Джонсон, генеральный контролер Королевского монетного двора, озвучил официальную позицию. По его словам, монеты, на которых изображена правительница государства, которого больше не существует, является просто серебряным диском, несмотря на обычай рассматривать их как деньги (Tschoegl, 2001, p. 450). На монетных дворах Лондона и Бомбея англичане чеканили талеры Марии Терезии для борьбы с Муссолини, который чеканил их в Риме для финансирования своей эфиопской авантюры. Вскоре к чеканке этой монеты подключились и другие монетные дворы. В итоге, с 1741 г. по 2000 г. было отчеканено около 390 миллионов талеров Марии Терезии, причем габсбургскими и австрийскими монетными домами – 304,5 миллиона, остальными дворами (а эта монета чеканилась в Бирмингеме, Риме, Париже, Лондоне, Брюсселе, Утрехте, Бомбее и др.) – более 85 миллионов (Tschoegl, 2001, pp. 444-445). Я не знаю того, когда и где отчеканен мой экземпляр талера Марии Терезии, но я знаю точно, что со временем его ценность ничуть не упадет.

У меня есть и российская банкнота номиналом в 25 рублей образца 1909 года. На ней написано, что размен на золотую монету осуществляется без ограничения суммы и указан курс: 1 рубль содержит 17,424 доли чистого золота (0,774234 г.) и равен 1/15 империала. Подписи управляющего и кассира удостоверяли это заявление. И оно не было голословным. Бумажные деньги действительно обменивались на золотые монеты без всяких ограничений. Владелец купюры, которая у меня сейчас в руках, мог получить за нее две золотые монеты – достоинством в 15 (империал) и 10 рублей, мог бы получить за нее 25 серебряных рублей или 50 серебряных полтинников и т.д. Сейчас эта купюра фактически ничего не стоит, вернее, она имеет ценность для коллекционеров, впрочем, значительно меньшую, нежели стоимость одного серебряного полтинника. После начала Первой мировой войны размен бумажных денег на золото был прекращен и золотые монеты тут же исчезли из оборота. На банкнотах 1917 года повторяется фраза про свободный обмен бумажных рублей на золото и даже указывается прежний курс, хотя ни о каком свободном обмене речь уже давно не шла. На банкнотах 1918 года фраза про свободный обмен бумажных денег на золото сохраняется, но упоминание об обменном курсе и содержании золота в рубле уже исчезают. На печатавшихся с 1919 года «совзнаках» уже никакого упоминания об обмене на золото не было, хотя стояла фраза об их обеспеченности «всем достоянием Республики» (позже – «Союза»). В 1924 году их обменяли по курсу 1 новый рубль за 50 тыс. рублей образца 1923 года, за 5 миллионов рублей образца 1922 года или за 50 миллиардов (!) рублей более ранних выпусков.

Сравним эти два примера. В первом случае, государство давно перестало гарантировать статус талера Марии Терезии как средство обращения хотя бы потому, что это государство (Священная Римская империя) прекратило свое существование в 1806 году. Тем не менее, эти монеты продолжали чеканиться еще более 200 лет в неизменном виде, и они до сих пор сохраняют устойчивый спрос. Во втором случае, государственная гарантия прекратилась с началом войны и более никогда не возвращалась на эти банкноты, владельцам которых оставалось лишь наблюдать, как их ценность все более снижается, пока не была сведена к ничтожному минимуму относительно изначально заявленной ценности.

Как видим, у денег может быть очень разная судьба, и одно и то же их количество, выраженное в разных формах, спустя время может утратить всю или значительную часть своей ценности (бумажные деньги), а может – сохранить или даже приумножить

(полноценные монеты из драгоценных металлов). Это подводит нас к тому, что *эквивалент стоимости/мера богатства*, которые в каждом конкретном случае определяются социокультурными факторами, в долгосрочной перспективе сами трансформируются в зависимости от материальной формы своего выражения. Впрочем, это были примеры *прошлых* денег, выпущенные государствами, которых уже нет (Священная Римская империя, Российская империя и СССР). Как дело обстоит с «актуальными деньгами»?

Национальной валютой Украины ныне является гривна, цены в магазинах выражены в гривнах, но можно ли назвать гривну «всеобщим эквивалентом» и «главной мерой богатства»? Проблема в том, что хотя цены на товары и услуги выражены в гривнах, по факту многие из них прямо, а иные – опосредованно привязаны к доллару США и евро. Именно поэтому курс гривны к этим валютам интересует даже тех людей, которые не являются их счастливыми обладателями. Но ведь если «всеобщим эквивалентом» является гривна, то чем являются *те* эквиваленты? Получается, что мера нашей меры выражается в других мерах. Сомневаюсь, что среднего американца интересует курс его валюты к гривне, и что это имеет для него хотя бы малейшее значение; нас же это соотношение интересует и значение для нас это имеет очень большое. Так стоит ли после этого настаивать на том, что гривна – «всеобщий эквивалент» (хотя бы и с уточнением, что на территории нашей страны)? Если это и эквивалент, то какой-то он не «всеобщий». И уж совсем странно было бы утверждать, что гривна – главная мера богатства.

Ситуацию с гривной можно рассматривать как частный случай. Страна у нас бедная (точнее сказать: «ограбленная»), поэтому и к национальной валюте доверия нет. Следует ли заключить, что «всеобщим эквивалентом» и «мерой богатства» является американский доллар? Здесь тоже не все однозначно. С одной стороны, доллар – он и в Африке доллар, но с другой – доллар уже не тот.

В немалой степени авторитет доллара как мировой валюты определяется его стабильностью. Так, все доллары, выпущенные с 1861 года, до сих пор являются законным платежным средством (сравним то, сколько вариантов денежных знаков ходило за этот же период на территории нашей страны). Тем не менее, сто долларов в 1861 году и сто долларов в начале XXI века – это две большие разницы. В 1792 году 1 унция золота приравнивалась к 19,3 долларам, в 1834 году – к 20,67 долларам, в 1934 году – 35 долларам². До 1971 года этот паритет (1 тройская унция золота равна 35 долларам) в общем и целом сохранялся, хотя с 1933 года в США золотой стандарт существовал в ограниченной форме³. Сейчас тройская унция золота стоит более 1300 долларов (1331,4 на

² Этому предшествовал подписанный 5 апреля 1933 года Президентом Франклином Д. Рузвельтом Указ № 6102 об изъятии у населения и организации золотых монет и слитков. До 1 мая 1933 года было предписано обменять все золото по курсу 20,66 бумажных долларов за 1 тройскую унцию. Частным лицам разрешалось сохранить золото стоимостью до 100 долларов, а также редкие и коллекционные монеты. Попытка уклонения от сдачи золота грозила штрафом до 10 тысяч долларов или тюремным заключением до 5 лет. Золото перестало быть законным платежным средством, а все ранее заключенные договора переводились в бумажные доллары. После завершения обмена курс был резко поднят до 35 долларов за унцию, хотя и по этой цене купить золото было невозможно. Покупка золота в США была разрешена только в 1974 году, но национальная валюта к тому времени даже формально не была к нему привязана, а использование золота как средства платежа была по-прежнему запрещено. С 1986 года после более чем полувекового перерыва в США возобновилась чеканка золотых монет номиналом \$5, \$10, \$25 и \$50, однако это уже были инвестиционные монеты, не предназначенные для оборота. Монета в 50 долларов содержит 1 тройскую унцию чистого золота и сегодня она стоит 1500 долларов США, то есть, в 30 раз больше номинала.

³ Золотой стандарт имеет три основные разновидности. 1. Золотомонетный стандарт представляет собой классический золотой стандарт, когда основная денежная единица выражена в золотых монетах, а находящиеся в обращении банкноты и монеты из других металлов могут свободно и без ограничений обмениваться на них по номинальной стоимости. После начала Первой мировой войны сохранялся

07.02.2018). Получается, что за первые сорок лет своего существования доллар подешевел всего в 1,07 раза (7%), за последующее столетие – в 1,69 раза (169%), за следующие 84 года – в 38,04 раза (3804%). Конечно, для людей, переживших украинскую гиперинфляцию 90-х годов XX века эти цифры могут и не казаться запредельными, тем не менее, стабильность доллара – понятие довольно относительное.

В общем виде можно сказать, что деньги – это то, что мы считаем деньгами. На ранних этапах человеческой истории деньгами выступали *вещи* – раковины моллюсков, скот, шкуры, зерно, рабы и т.д. Вещь может обладать непосредственной ценностью (каменный топор, лук или предмет обихода), может обладать статусной ценностью (бусы, бивни мамонта и т.д.). В любом случае, это нечто материальное, предметное. Но уже на поздних этапах появляется двойственность, касающаяся такой специфической «вещи» как рабы.

Например, во многих древних обществах зажиточность человека определялась количеством его рабов, и в этих обществах был консенсус по поводу их ценности. Рабство появляется еще в первобытном обществе, что на тот момент было прогрессивным явлением. Первобытный геноцид ослабляется расчетом. Зависимый человек – это тоже «вещь», но вещь особого рода. Ценность раба не является чем-то непосредственным, а мыслится как способность к совершению полезного труда. Геноцид останавливала не гуманность, а экономическая целесообразность. Врага, его женщин и его детей не обязательно убивать, а можно сохранить им жизнь при определенных условиях, под каковыми понималось способность приносить пользу или наслаждение.

Однако рабы все же не являлись мерилем стоимости, по крайней мере, в развитых рабовладельческих обществах. На мой взгляд, здесь четыре основные причины. Во-первых, раб может постареть, заболеть, умереть, а значит ценность этого ресурса не постоянная. Во-вторых, чтобы быть всеобщим эквивалентом, вещь должна быть эквивалентна сама себе. Но очевидно, что с точки зрения рабовладельца здоровый парень и безногий инвалид, красивая девушка и дряхлая старуха обладают разной ценностью. В-третьих, эквивалент должен обладать способностью к размену: весьма затруднительно расплатиться за вещь, которая стоит, например, одну треть раба, а еще сложнее – одну тридцать четвертую его часть.

Излишки продуктов натурального хозяйства и рынок рабов привели к необходимости перехода от вещи-как-ценности к концепции всеобщего эталона. Теоретически любая вещь может выступать мерилем стоимости, если в обществе есть консенсус по поводу ее ценности. В известном фильме Георгия Данелии основной мерой стоимости на планете Плук были спички, обладающие огромной ценностью⁴. Однако на практике подавляющее большинство вещей для этой роли не подходят: они либо портятся со временем, либо не имеют самоэквивалентности, либо неделимы, либо их ценность может упасть или же они вообще потеряют ценность ввиду изменений в быте, политике или законодательстве. Поэтому «по мере развития товарного производства стали

только в США до 1933 года. 2. Золотослитковый стандарт – бумажные деньги можно обменять на золото, но только в виде слитков (например, в 12,5 кг.); понятно, что реализовать эту возможность могли только очень богатые люди. 3. Золотовалютный (золотодевизный) стандарт – это стандарт, лежащий в основе Бреттон-Вудской валютной системы, когда валюты стран-участниц привязывались к американскому доллару, а США, в свою очередь, обязывались поддерживать паритет в 35 долларов за унцию золота. Право обмена долларов на золото получали только государства в лице центральных банков (Алмазова & Дубоносов, 1993).

⁴ А вот если бы героям этого фильма удалось доставить на эту планету большие запасы спичек, то это неизбежно привело бы к революции цен, а возможно – и подорвало бы статус спички как основного мерила стоимости и богатства.

использоваться металлические деньги, особенно из благородных металлов (золота и серебра), которые по своим свойствам – однородность, делимость, сохраняемость, портативность, высокая стоимость – наиболее соответствовали требованиям, предъявляемым к денежному товару» (Красавина, 2007).

Стоимость – экономическая категория, но эквивалент стоимости – это элемент мировоззрения, который к экономике имеет весьма опосредованное отношение. Тем не менее, то, что претендует на статус эквивалента стоимости и меры богатства, должно само обладать определенными качествами, и то, что драгоценные металлы становились такой мерой в разных частях нашей планеты в независимых друг от друга культурных «мирах» едва ли можно считать совпадением.

Впрочем, строго говоря, ни золото, ни серебро также не есть *абсолютные* меры стоимости, ибо их собственная ценность также может меняться, причем не только в сторону повышения. После того, как в XVI веке испанцы стали массово вывозить из Мексики и Перу драгоценный металл (по некоторым подсчетам, масштабы составляли примерно 181 тонну золота и 16800 тонн серебра), его покупательная способность существенно снизилась, что спровоцировало (наряду с другими факторами, например, с разработкой серебряных рудников в Центральной Европе) небывалую революцию цен. К концу столетия цены в Европе выросли в 2,5–4 раза. Революции цен, хоть и меньшего масштаба, случались и позднее. Так, золотая лихорадка в Калифорнии (1849 год), и в Австралии (1851 год) привели к увеличению производства золота в 6 раз, а цены (и это уже была мировая тенденция) выросли на 25–50%⁵. Тем не менее, такого рода инфляция ни шла ни в какое сравнение с масштабами инфляции в последующие времена.

Отвязка от золотого стандарта способствовала росту экономики, нуждающейся в дешевых деньгах, поэтому я ни в коем случае не проливаю слезы по поводу исчезновения «настоящих» денег. Но следует иметь в виду, что не обеспеченные золотом/серебром бумажные деньги являются средством обмана государством (или политических групп, выступающих от имени государства) своих (в случае международных валют – и чужих) граждан. Парадокс состоит в том, что этот циничный и наглый обман стимулирует экономику, а потому оказывается в конечном счете выгоден и самим гражданам. Конечно, одни государства в большей степени злоупотребляют своей монополией на эмиссию фантиков, другие – в меньшей, но злоупотребляют все. Даже если кому-то из граждан удастся обмануть государство, в целом государство всегда будет в выигрыше, подобно тому, как есть лишь один способ заработать с помощью казино – стать его владельцем. Впрочем, понимание того, что тебя, так сказать, обманывает система, может быть частью плана системы тебя обмануть. И люди вновь и вновь вынуждены принимать установленные системой правила игры, поскольку особого выбора у них нет. Максимум, что может себе позволить отдельный гражданин – это поменять одни фантики на другие, которые, как ему кажется, «более надежные».

Однако появление криптовалют, разновидностей которых на сегодняшний день насчитывается уже несколько тысяч, внесло в эту схему принципиально новый элемент. Здесь «владельцами казино» потенциально оказываются все, актуально – никто конкретно. Проведя исследование по заказу Бэнк оф Канада, Уоррен Вебер пришел к выводу, что биткойн-экономика имеет немало общих черт с экономикой, основанной на золотом стандарте. В частности, это: 1) ограниченная и предсказуемая эмиссия, 2) ни центральный банк, ни органы денежно-кредитного регулирования не контролируют предложение, 3) низкая или отсутствующая инфляция, 4) практически нет арбитражных расходов для

⁵ Южноафриканская (1886 год), клондайкская (1896) и аляскинская (1898) золотые лихорадки также повлияли на рост цен, хотя основным их следствием стало не это, а переход большинства развитых стран от серебряного к золотому стандарту.

международных транзакций, 5) правительства меньше контролируют свою внутреннюю экономику, и 6) правительства теряют доходы от сеньоража, которые они получают от способности почти бесплатно создавать деньги (Weber, 2016). Впрочем, хотя государственные структуры и не могут прямо контролировать рынок большинства криптовалют (уже есть попытки сделать криптовалюты «государственными деньгами»), они могут использовать запретительные действия, что хоть и не может полностью ликвидировать эту сферу, но может существенно подорвать ее позиции. Так, запрет Китая на операции с биткойном осенью 2017 года обрушил его стоимость почти вдвое.

Означает ли проект криптовалют окончательную дематериализацию денег? Здесь тоже не все однозначно. Так, сторонник золотого стандарта Джордж Гилдер, считая Федеральную резервную систему «богом, потерпевшим неудачу», призывает разрушить монополию государства на деньги, используя комбинацию биткойна для интернет-платежей, а золота – как валюты, а не инвестиции (Gilder, 2016). Действительно, как ни странно, криптовалюты кое в чем подобны золоту, позволяющему его владельцу не зависеть от государственной монетарной политики. Но на этом схожесть и заканчивается. Драгоценные металлы выдержали испытание временем, и если не появится какой-нибудь инженер Гарин со своим гиперболоидом, то и дальше будут сохранять за собой *ценный* статус. А биткойну только десять лет, и вовсе не факт, что он (как и его многочисленные клоны и альтернативы) доживет до собственного двадцатилетия.

Для майнинга криптовалют необходимо использование (помимо времени и компьютерного оборудования) значительных электрической энергии. Понятно, в этом также заинтересованы владельцы электрогенерирующих компаний, производители комплектующих для стационарных компьютеров (особенно – процессоров и видеокарт), но спрос создают все же не они. Велика здесь и роль спекулятивной составляющей, ибо прибыльность такого рода вложений может измеряться величинами, на порядки превышающими прибыльность от вложений в реальный сектор экономики. Но и роль спекулянтов в этом деле едва ли является определяющей, ибо они не создают интерес к криптовалютам, а лишь его подогревают. На мой взгляд, главная причина популярности криптовалют заключается в практической невозможности контроля транзакций со стороны государственных организаций, что открывает колоссальные возможности как для ухода от налогов, так и для теневого рынка (например, наркоторговли и нелегальной торговли оружием). Последнее касается не только проведения анонимных (псевдонимных) транзакций, но и отмывания полученных незаконным образом средств.

Востребованность криптовалют определяется еще в немалой степени кардинальными трансформациями социокультурного бытия. Человечество не просто вступает в новую эпоху, оно открывает для себя принципиально новую антропологическую реальность, которую я ранее обозначил как переход к «кремниевой расе» (Халаписис, 2016). Соответственно, мировоззрение, социальная организация и экономика будут существеннейшим образом отличаться от того, к чему мы привыкли. Они уже отличаются. Компьютеры, интернет, смартфоны вошли в нашу жизнь совсем недавно (по историческим меркам это вообще произошло «вчера»), но уже сложно представить себе мир без них. Разговоры о «трансгуманизме» и «технологической сингулярности» уже перестали быть уделом гиков и маргиналов. Естественно, что в этом дивном новом мире ценности переоцениваются⁶. Я не думаю, что проект криптовалют просуществует долго

⁶ В этом смысле весьма показателен сюжет фантастического фильма Эндрю Никкола «Время» (оригинальное название – *In Time*). В будущем биотехнологии позволяют продлевать жизнь неограниченно долго. Единственной валютой в этом мире стало время жизни, и если богачи располагают запасами, позволяющими жить вечно, то бедняки перебиваются с минуты на минуту; исчерпание личного времени означает смерть.

(по крайней мере, в нынешнем виде), но едва ли подлежит сомнению то, что эталоны стоимости будут и далее меняться.

Выводы. Представления о «ценности» и «стоимости» на протяжении человеческой истории лишь отчасти зависели от экономических причин. Договоренности о том, что именно считать эквивалентом стоимости/мерой богатства оказываются результатом сложных взаимозависимостей экономических, социальных и культурных факторов. От восприятия человеком мира зависит его социальная организация, которая вызывает к жизни экономические трансформации. С другой стороны, социальная организация определяет общественное мировоззрение и экономические механизмы социальной активности. С третьей – экономические трансформации влияют как на мировоззрение людей, так и на их формы социальной организации. В отличие от марксистов, я не считаю, что корректно здесь говорить о «базисе» и «надстройке». Я лишь констатирую наличие взаимосвязи.

Тысячелетия люди использовали драгоценные металлы как всеобщий эквивалент и главное мерило богатства; полноценные металлические деньги были, в сущности, лишь подкрепленными авторитетом государства (правителя) свидетельствами наличия определенного количества драгоценного металла. Правители часто были склонны к порче монеты, но обман быстро вскрывался и «плохие деньги» пропорционально теряли в цене. Отказ от полноценных монет и от обеспеченности банкнот драгоценными металлами (то есть, отказ от золотого и серебряного стандарта) привел к тому, что обращающиеся в обществе денежные знаки перестали обозначать *конкретную* стоимость, превратившись в абстракцию, поставив население в зависимость от монетарной политики государства и от финансовой стабильности национальной экономики.

В наше время деньги в подлинном смысле этого слова не используются. Банкноты и монеты хоть и выполняют функцию денег, но по сути это эрзацденьги, ибо они и сами не состоят из драгоценных металлов, и даже не имеют к ним привязку. Это фантики и жетоны, не более. И даже доллар – это уже далеко не тот доллар, каким он был еще сто лет назад. Мы делаем вид, что верим, будто бы государство что-то там гарантирует и чем-то обеспечивает эти фантики, а при недостаточном доверии мы меняем их на доллары или евро; впрочем, есть подозрение, что последние реально обеспечены еще меньше.

Впрочем, за государственными фантиками хотя бы стоит национальная экономика, и хотя сами по себе они – почти полное ничто, государству есть потребность создавать иллюзию того, что это – нечто, и оно через соответствующий центральный банк старается поддерживать курс этих фантиков по отношению к другим фантикам на приемлемом для себя уровне. За криптовалютой же не стоит вообще ничего, кроме желания одних добыть спекулятивные деньги, а других – анонимно (псевдонимно) проворачивать грязные операции. Тем не менее, проблему популярности криптовалют нельзя свести только к спекуляциям и темным махинациям нечистых на руку дельцов. Биткойн и его многочисленные альтернативы возникли как ответ на вызов информатизации, глобализации и – индивидуализации хозяйственной деятельности. Это попытка уйти от контроля государственных структур, которые склонны с одной стороны, к злоупотреблению своим правом эмиссии денежных знаков, а с другой – к волюнтаристическим методам управления экономикой. В какой-то степени криптовалюты отражают ностальгию участников рынка по золотому стандарту, которая удивительным образом трансформируется в полное отрицание вещественности (в том числе – металлической вещественности) денег. Смирится ли государство с утратой монополии на монетарную политику, признают ли транснациональные корпорации и другие участники рынка криптовалюты в качестве средств платежа, перейдут ли банки к операциям в биткойнах и как они при этом смогут выстраивать свой бизнес, согласятся ли обыватели признать такого рода симулякры как ценность и мерило богатства? Я думаю, скорее «нет».

чем «да». Но в любом случае, нынешняя ситуация наверняка стимулирует поиски новых моделей определения эквивалента стоимости в условиях информационного общества. Последним обстоятельством и определяются перспективы дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова, О. Л., & Дубоносов, Л. А. (1993). *Рынок против рынка*. Москва: Финансы и статистика. 336 с.
2. Красавина, Л. Н. (2007). Деньги. *Большая российская энциклопедия* (Т. 8, с. 542). Москва: БРЭ.
3. Халапсис, А. В. (2016). Цифровые технологии и перековка железных людей. *ScienceRise*, 24(7/1), 55-61. doi:10.15587/2313-8416.2016.69141
4. Халапсис, А. В. (2017). *Зеркало Клио: Метафизическое постижение истории*. Днепр: Адверта. 384 с.
5. Dai, W. (1998). B-Money. Retrieved from <http://www.weidai.com/bmoney.txt>
6. Gilder, G. (2016). *The Scandal of Money: Why Wall Street Recovers but the Economy Never Does*. Washington, DC: Regnery. 224 p.
7. Kearns, J. (2013). Greenspan Says Bitcoin a Bubble Without Intrinsic Currency Value. Retrieved from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-12-04/greenspan-says-bitcoin-a-bubble-without-intrinsic-currency-value>
8. Meltzer, A. H., & Friedman, M. (2018). Money. *Encyclopædia Britannica*. Retrieved from <https://www.britannica.com/topic/money>
9. Peck, M. E. (2012). Bitcoin: The Cryptoanarchists' Answer to Cash. *IEEE Spectrum*. Retrieved from <https://spectrum.ieee.org/computing/software/bitcoin-the-cryptoanarchists-answer-to-cash>
10. Quiggin, J. (2013). The Bitcoin Bubble and a Bad Hypothesis. *The National Interest*. Retrieved from <http://nationalinterest.org/commentary/the-bitcoin-bubble-bad-hypothesis-8353>
11. Shiller, R. J. (2014). In Search of a Stable Electronic Currency. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2014/03/02/business/in-search-of-a-stable-electronic-currency.html? r=0>
12. Tschoegl, A. E. (2001). Maria Theresa's Thaler: A Case of International Money. *Eastern Economic Journal*, 27(4), 445-464.
13. Weber, W. E. (2016). A Bitcoin Standard: Lessons from the Gold Standard. Retrieved from <https://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2016/03/swp2016-14.pdf>